

ШОКОЛАДКИ ДЛЯ ЖЕНЫ

ОТРЫВКИ ИЗ КНИГИ

ТОДД МАЧИКИЗА

Мы выбрались из Йоганнесбурга, когда там было объявлено чрезвычайное положение. Агенты из охраны кружили вокруг аэропорта, как стервятники. Они смешались с толпой друзей, пришедших проводить нас. Один из них дышал мне в затылок, пока я целовал на прощанье свояченицу: не даю ли я ей последних инструкций по подрыву власти? Из писем мы потом узнали, что к моменту отправления нашего самолета в аэропорт прибыли полицейские машины, но такого рода показательность полиции ЮАР в порядке вещей.

* * *

Я злился — крылья нашего самолета закрывали вид. Но на теплоходе не лучше. Там, как объяснил мне служащий транспортного агентства в Йоганнесбурге, оставались только каюты возле шумящих двигателей.

Раймон Питье, не раз добиравшийся в Англию морем, говорил: «Друг мой, туземцев всегда сажают на двигатели». Пришлось отказаться от мечты совершить всей семьей, с детьми, чудесное, долгое, неторопливое путешествие по морю. Потом мы с женой решили, что оно и к лучшему: южноафриканские охранники способны догнать судно на быстроходном катере и остановить его посреди океана, если вдруг обнаружилась бы какая-нибудь ошибка в оформлении наших паспортов. А сейчас уже рукой подать до английского берега.

* * *

Стюардесса в лондонском аэропорту выкрикнула наши имена. Нас ждали здесь приветственные послания.

Окончание. Начало см. «Азия и Африка сегодня» № 4 за 1964 год.

«Мистер и миссис Мачикиза!» Это было совершенно поразительно — она произнесла наше чудовищно трудное имя правильно, с должным ударением на втором слоге. Видно, я сам виноват в том, что даже лучшие мои друзья из белых в Южной Африке не знают толком моего имени. Им не приходилось употреблять «туземное» имя — я был там Тодд № 92867. Для них я — Тодд, для администрации — № 92867. Может быть, именно поэтому д-р Ральф Бачелор, белый южноафриканец, написал мне в Лондон на имя Мечичесы, а белая женщина из Южной Африки, Милдред Миллер, прислала поздравительные открытки на имя Мочаши-се. Я не сержусь на Бачелора и Миллер. Им неизвестен мой официальный номер. Но если эта английская девушка в аэропорту сразу справилась с произношением — значит, либо охранка выследила нас и научила ее, либо в Англии нам будет куда веселей.

* * *

Носильщики. Сюда, пожалуйста. Это ваши, мадам? Мы раздаем чаевые направо и налево. Шиллинг. Два. Три. Всем, кто называет меня господином. У меня в кармане двадцать фунтов, и я не позволю англичанам поносить меня за то, что я не плачу.

* * *

Англичане смотрят на тебя, и ничего не замечают. А мы идем всей семьей, выставляя напоказ черные лица в стране белых и возмущаясь, что никто на нас не обращает внимания. Только одна женщина в автобусе спросила:

— Из Африки?

— Да.

— Откуда же именно?

— С юга. Из Йоганнесбурга.

— Ах вот как! Интересно... Ну, добро пожаловать. У нас бывают здесь цветные из всех стран Содружества, они — как все. А вы надолго?

* * *

Несколько дней спустя один белый доктор из Южной Африки, сочувствовавший нам, направил меня в глазную клинику.

Дежурный в регистратуре спросил: «Вы знакомый доктора Ричардса? Садитесь».

— Вы давно в Англии?

— Что вы собираетесь здесь делать?

— Вы надолго сюда?

— Какая у вас специальность?

— Вы зарегистрировались по государственной программе здравоохранения?

— Вы еще не нашли работу?

— Итак, вы цветной из Южной Африки?

— Номер вашего паспорта?

— Вы готовы пойти на любую работу?

— Вам придется жить на пособие?

— Согласитесь ли вы поехать на работу, куда бы вас ни послали?

Я смотрел на его физиономию, и внутри у меня все закипало. Кожа у него была нечистая, красно-желто-коричневая, как у цветных в Южной Африке, которые выдают себя за белых. И его коричневые глаза были разбавлены зелеными точками — наверное, чтобы ему легче было сойти за европейца.

А по разуму он был смесью преуспевающего драматурга и безнадежного пустомели.

Как только я пришел к этому заключению, меня прорвало:

— Перестаньте задавать глупые вопросы! Если нельзя, так и скажите!..

Что это я? Иностранец, злоупотребляющий гостеприимством... Видно, физиономия этого субъекта напомнила мне чью-то другую.

Вспомнил. Это был бармен в пивной на улице Кенсингтон, куда мы зашли с Лайонелем Нгакане. Он услышал, что мы говорили на африкаанс, и подошел.

— Итак, вы из Южной Африки?

— Как вы догадались?

— Да я слышал, что вы говорите на африкаанс.

— Значит, и вы оттуда?

— Черта с два! Я из Родезии, а этот африкаанс я выучил в школе. Учился в Южной Африке — проклятое место! Ноги моей там не будет, дьявол ее поberi!

— Ха-ха-ха.

Потом он отошел к трем мужчинам на другом конце стойки, и те ему сказали: «Ты не боишься с ними здесь встречаться? Ты ведь оттуда, не так ли? Ты же сам говорил».

— Ну да, конечно, я служил там в полиции. Может, пришлось иметь дело с этими двумя где-нибудь в Йоганнесбурге.

Лайонель разразился хохотом, я тоже.

— Ясное дело, мы встречались, — сказали мы. — Встречались в Южной Африке, особенно если вы служили в Йоганнесбурге.

Я посмотрел на его высоко подстриженный затылок, на бегающие глазки, которые не изменяли выражения, когда он смеялся, на плотно сжатые губы, на развернутые по-военному плечи, привыкшие носить винтовку, и сказал с усмешкой:

— А вы случайно не сержант Дидерикс, который бухнул однажды в суде, что не боится ни туземцев, ни бога?

Никогда больше мы не видели его в этой пивной.

* * *

В тот самый вечер Лайонель вспоминал о наших ребятах, оставшихся на родине. Уж ты не скучаешь ли по «собачьему мясу», Лайонель?

«Собачьим мясом» мы называли симпатичных слуганок из домов европейцев. Когда мы, бывало, навещали их, они подкармливали нас тем, что оставалось от хозяйского обеда. Обьедки эти в самом деле предназначались собакам. Но когда ты тайком от полицейских заходишь в европейский квартал, через час-другой непременно захочется есть — устанешь, пробираясь задворками, на всякий случай избегая улиц. А на завтрак часов восемь назад была одна рыба с картошкой. Изголодаешься изрядно. Тогда и «собачье мясо» у знакомой служанки придется по вкусу.

Разумеется, Лайонель не относился к любителям «собачьего мяса». Он смешно вытаращил глаза и сказал: «Друг мой, я все же предпочел бы «собачье мясо» в Лондоне, а не в Йоганнесбурге».

Вернувшись в квартиру на улице Кенсингтон, я долго смотрел в окно, выходящее на площадь. На улице полно народу, и все белые. Знают ли они, что в роскошной квартире нашего друга Энтони временно, на три недели, поселилась черная семья? Что бы они сказали?

На той стороне, через дорогу, строится новый жилой дом. Все рабочие — белые. Кладут кирпич за кирпичом. Но без ритма, без песни. Выглядят они очень уныло. Ничего не поделаешь — приходится продолжать отстраивать этот огромный город, заложенный много веков назад.

Вдруг я заметил среди них чернокожего. Ага! Надо будет подстеречь его как-нибудь и спросить, каково ему работается с белыми.

Я встретил его на автобусной остановке у строительной площадки. Он подошел прикурить. Я спросил: «Как дела, дружище?»

На нем спецовка, руки в грязи, в цементе.

— Чем занимаешься? Наверное, давно здесь?

— О да, я приехал учиться на инженера-механика. Получу назначение от министерства общественных работ Нигерии, когда кончу.

— Как в Англии, хорошо?

Он сказал:

— Ну, знаешь, когда приезжаешь учиться в страну белого человека, друг мой, показываешь белое, а черное держишь про себя.

— Что ты имеешь в виду, дружище?

— Видишь ли, наша Нигерия обрела теперь независимость. Ну а мы как только кончим учение в Англии, поедem домой вышибать их оттуда, всех этих английских ставленников. Хм, немало их там в правительстве, работающих не на Нигерию, а на Англию. А пока стараемся не показывать виду. Держим свое, черное, внутри. Понял?

— Нет, дружище.

Он сказал: «Спасибо за огонек», — и пошел на строительные леса. Наверху он задержался у группы белых рабочих и помахал мне.

* * *

Ба! «Дом Южной Африки». И в таком чудесном районе — слева от колонны Нельсона. Я замер,

глядя на изображение антилопы — символ белой Южной Африки.

Белый южноафриканский доктор, тот, который направил меня в глазную клинику, сказал, что я наверняка могу получить документы в «Доме Южной Африки». Под этим предлогом я могу зайти... Осторожненько, тихонечко, присматриваясь на всякий случай, где запасный выход.

— Будьте любезны сказать, где здесь читальня?

Тяжеленная рука отделилась от грузного тела, увенчанного где-то высоко надо мной лицом с сердитыми глазами. Рука указывала направление. Я пошел. Другая фигура в форме стояла у лестничной клетки.

— В читальню сюда?

Теперь другая рука указала в сторону читального зала. Бежать поздно.

Кресла расставлены вдоль стен и заняты людьми, лица которых закрыты газетами. Я обошел вокруг стола, будто разыскивая, что бы почитать. Но взять было нечего, даже для виду. Внутренний голос сказал мне: «Подними голову». Я поднял и увидел, что на меня со всех сторон устремлены десятки глаз — голубые, зеленые, огненно-красные... Я отошел от центрального стола и медленно попятился вдоль стены, словно кто меня выталкивал. Вдруг я оказался среди молчаливых бронзовых бюстов, изображающих «туземцев Южной Африки», вылепленных неким Лоувом. По-моему, они чудовищны. Под одним была табличка: «Туземец перед приговором», под другим: «Спящий кафр».

Я вышел из «Дома Южной Африки» и встал у церкви Св. Мартина. Не знаю, долго ли я там стоял. Вдруг на мое плечо опустилась рука. Незнакомый голос произнес: «Почему бы вам не зайти внутрь, друг мой?» Это был священник из церкви. Я вошел в церковь и обнаружил, что промок до нитки. Окажется, я стоял под проливным дождем.

* * *

По пестрой, модной, широкой улице Кенсингтон ко мне бежали, беззаботно постукивая каблучками, мои дети — Мариан, спешившая сообщить отцу, что на солнышке очень хорошо и что она хочет быть со мной, и Джон-Энтони, доложивший, что беседовал с полицейским.

— Что ты ему сказал, сынок!

— Я сказал: «Привет», а он взял меня за руку и говорит маме: «Поберегитесь тут машин, милочка», — и перевел нас через дорогу.

Мариан добавила: «Знаешь, папа, на поясе у него нет ни наручников, ни револьвера. Он и меня держал за руку, руки у него мягкие, как будто ему никогда не приходится хватать людей. Руками он только показывает, когда идти людям, когда — машине, понимаешь?»

К нам подошла Эсме и сказала: «Хм, эти чернобелые дорожки на переходах... Не правда ли, здорово переходить улицу, чувствуя себя в полной безопасности? Мне очень хотелось остановиться и сказать водителям, которые пропускали меня: «Как здорово! Как это здорово, что белый в машине останавливается и пропускает нас!»

* * *

Я взглянул в карие бархатные глаза Эсме и сказал: «Лондонская девочка». Она мягко, ласково улыбнулась, посасывая через соломинку апельсина-

вую воду со льдом: «Выпей и ты». Я налил себе высокий стакан и отодвинул подальше — полюбоваться и подумать с удовольствием, что это все мне. Мы полистали телефонную книгу, чтобы позвонить нашему большому другу — отцу Тревору Хаддлстону¹ и сказать: «Привет вам». Мои глаза наткнулись на слова «Коммунистическая партия». Ох, черт! Если бы наша охранка застучала меня за чтением слов «Коммунистическая партия» в телефонной книге, мне бы досталось как следует!

— Я позвоню отцу Хаддлстону завтра. Давай погуляем с детьми.

— Думаю, что ребяташкам и мне лучше отдохнуть немножко. А ты пойдешь прогуляйся. И знаешь ли, лучше оставь-ка свои газеты, а то они торчат у тебя из всех карманов.

— Пожалуй. Пойду на улицу, и пусть только кто попробует спросить у меня пропуск!

Я стою на тротуаре, в самой середине широкой улицы Кенсингтон, окруженный белыми, настоящими белыми людьми. Ко мне приближается черный.

— Слушай-ка, браток, спичек нет? — спрашиваю я. Благородные рубцы украшают его черные щеки, аккуратно сближаясь на подбородке и образуя подобие наконечника копья.

— Спички? Имеются.

— Ты откуда, браток?

— Из Ганы, а ты?

— Из Южной Африки.

— У-у.

* * *

Я выскочил из пивной, вспомнив, что у меня в книжке записано что-то о встрече с газетчиком.

Газеты, газеты... Мне говорили: «Ты только что приехал, и они соображают, какую информацию от тебя можно получить. Они убьют собственную бабушку, потащат в суд своего тестя, отрежут себе голову, лишь бы дать материал в газету. Ты ведь «оттуда»!.. Выбирай выражения, когда говоришь с ними. Они тебя прикончат ради сенсации».

Зовут к телефону. «Да, я жду вас, как и договорились, мистер Стар». Разговор такой вежливый, что я подумал: не включают ли они там механическое устройство, вырабатывающее такие сладкие слова, что только телефон может выдержать.

— Простите, это не вы — господин из Южной Африки?

Посыльный, прибежавший позвать меня вниз, к телефону, одет в безукоризненную коричневую пару. Он перепрыгивал через две ступеньки, торопясь увидеть господина из Южной Африки. Неужели этот белый человек действительно скакал по пролетам лестницы, покрытой роскошным, дорогим, великолепным, красным ковром, чтобы взглянуть на черного из Южной Африки?

Я как раз думал, не вышло ли каких осложнений с моим первым интервью для английских газет. Тогда все пропало. Быстро переодевшись в приличный костюм, я внутренне подготовился к самому трудному в жизни интервью. Один знакомый законник предупреждал меня: «Ради «Кинг-Конга» не говори ничего такого, что может повредить постановке».

¹ Пастор Т. Хаддлстон — видный деятель национально-освободительного движения ЮАР, один из обвиняемых на печально известном «процессе о государственной измене».

Теперь Мейбл в Лондоне. Мне так и хотелось сказать ей: «Значит, ты расквиталась с Кэтрин, выбравшись сюда первой». Но я промолчал. Были более важные проблемы отношений между зверьками, встретившимися вне леса. И бежать друг от друга нельзя...

* * *

Эсме обвела карандашом еще одно объявление. Две комнаты, кухня и ванная. Мы рационализировали процесс просмотра объявлений о сдаче жилья: обводили чернилами наиболее подходящие, карандашом — менее подходящие. После такой обработки печатные листы напоминали нам южноафриканские газеты, испещренные нашими пометками в тех местах, где встречались такие ходовые выражения тамошней прессы, как «кафр», «кули», «туземец», «выродок», «черная самка».

Пойдем посмотрим на объявления в витринах магазинов.

Остановка метро «Швейцарский дом». В огромных витринах вывешены объявления о сдаче комнат. Склоненные фигуры, напряженно высматривающие подходящие адреса, заполнили весь тротуар. Мелькают записные книжки, карандаши; пахнет немывыми телами; слышится шепот старающихся запомнить номера телефонов. Стеснительные студенты, обвешанные фотоаппаратами туристы со всего света — все толкаются, бормоча извинения. На витрине указано: «Плата за помещение объявлений — шесть пенсов в неделю». В объявлениях встречаются такие формулировки:

«Только европейцы...»
«Желательны азиаты...»
«Подходит работающим супругам...»
«Для семьи пенсионеров...»
«Общая ванная...»
«Кухонные принадлежности...»
«Без детей...»

Мейбл сказала: «Дорогие мои, в Лондоне вы не найдете ничего дешевле восьми гиней». И тут мы заметили надпись: «Предпочитаем цветных».

Великие усилия нужны, чтобы найти жилье. Это деликатное, но настоятельное напоминание о том, что в Лондоне пятнадцать миллионов жителей. Не говоря о толпах у станций метро, желающих присоединиться к ним.

Да, из трущобы, где мы поселились, приятно было выбраться на воздух. Особенно ранним утром, да еще чтобы ехать по адресу, где «предпочитают цветных».

Мы спускались и поднимались по лестницам метро, в усталом исступлении волоча детей. Доехали и замерли восхищенно — это была красивейшая аллея позади Пастушьего холма, упирающаяся в величественный дворец Александры, где прежде размещалась телевизионная станция.

Весь район был невероятно красив.

Мы нашли номер семьдесят пять и несмело нажали звонок. Румяная служанка в белоснежном фартуке отворила дверь в отделанную дубом переднюю. Лицо ее выражало вежливое удивление. Ей ничего не известно о том, что дом сдается, но она позвонит хозяину.

— Это помещение наверняка не сдается, — сказала она с прозрачным намеком — дескать, нечего и спрашивать.

Хозяин великодушно подошел к телефону.

— Очень жалею, что вам пришлось беспокоить-

ся. Здесь существует фашистская организация, ма-
люющая свастики и заставляющая цветных бродить
по Лондону по фальшивым адресам.

Он выступает против этой организации, и ему
мстят, развешивая подобные объявления.

В тот самый день моя дочка сказала: «Быть бы
мне деревом. Тогда и беспокоиться не о чем».

* * *

Однажды утром Мейбл воскликнула: «Смотрите,
смотрите!» И мы увидели белого человека, копаю-
щего яму на дороге. Орудующего лопатой в грязи.
Потом других, вытряхивающих помойку, грузящих
машины. Видели белого человека в рваных брю-
ках. Белого человека, размахивающего киркой. Бе-
лого человека, почерневшего от угольной пыли.
Белого человека на коленях. Мы глядели во все
глаза на белого человека, который копался в зем-
ле, стоя на коленях.

Потом мы видели белых за погрузкой кирпича
и заготовкой глины; видели, как они ходят за во-
дой и ремонтируют свой дом, а потом сидят в нем
и смотрят в окошко. попыхивая трубкой; видели,
как они сами моют свои машины воскресным ут-
ром. И еще мы видели черного за рытьем канавы
и за тем же занятием — белого. Некоторые копали
спина к спине. Другие голова к голове. Но все ко-
пали сообща, и не было видно надсмотрщика, по-
куривающего да посматривающего, как другие ко-
пают.

Одно только они не делали — они не пели за
работой. А когда поешь, копая, яма углубляется
скорей.

Мейбл сказала потом: «Копать и петь — две раз-
ные вещи в этой стране».

* * *

31 мая у нас был вечер. Мы до колки смеялись
по поводу того, что празднуем в Лондоне День
Союза Южной Африки. Это официальный праздник:
ЮАР отмечает годовщину объединения бурских
республик Оранжевое Свободное государство и
Трансвааль с британскими колониями Наталь и Кап-
ская — дорогим нашим краем. Законом о создании
Южно-Африканского Союза мы, черные, были ли-
шены избирательных прав в Капской провинции.
Некоторым дали ограниченные права — предостави-
ли разрешение на потребление спиртных напитков.
И вот мы тут, в Лондоне, пьем 31 мая без разре-
шения.

* * *

Потягивая французский коньяк, я вдруг перенес-
ся в далекий бар для цветных в Куинстауне, Южная
Африка. Его завсегдатаи — цветные, считавшие себя
белыми, иногда позволяли образованному туземцу
посещать это заведение. А если еще бармену Сми-
ту понравится твоя напуганная, но страдающая фи-
зиономия, можно было доставить ему удовольствие,
за собственный счет, конечно.

Смит обыкновенно стоял у бокового входа рядом
со служебной уборной. Он зазывал черных и уго-
щал их выпивкой.

— Эй, джонг, ты пьешь?

— Да-а, хозяин Смит.

— Да ты не можешь!

— Испытайте меня, хозяин Смит.

Тут он наливал тройную порцию и говорил: «Давай!», а сам шел к боковому входу, чтобы черный не сбежал от испытания и чтобы полиция не застала его за спаиванием туземцев. Смит стоял и смотрел, как человек мучился от унижения и отчаяния, захлебываясь большим стаканом бренди, который нужно было прикончить в пять минут.

Однажды мы наблюдали, как его жертвой пал Генри Финка. Он потерял сознание после второго огромного глотка. Смит привалил полумертвого Генри к стене и сказал: «И так ты пьешь, да?» Ничья челюсть Генри безвольно отвисла, и Смит высыпал совок золы в kloчущее горло, приговаривая: «Это полезно для желудка».

Мы переглядывались, стоя вдоль стен. А Смит сказал: «Кто еще хочет выпить, ребята?»

Мы рассмеялись, как обычно смеются дети Африки, когда хотя бы понравиться. В такие моменты величия Смитов мы смеемся. Смит высыпал золу в рот человека, напоив его допьяна. А спустя несколько часов его жертва, придя в себя, являлась назад, сплевывая золу и грязь, и посмеивалась: «Шутник вы, Смит».

* * *

Я был чрезвычайно разочарован, когда меня представили пэру Англии. Лорд Стокфорд был чи-

сто выбрит, среднего роста и выглядел весьма заурядно в таком обычном темном костюме. Говорил он мягко, вежливо, сдержанно. Это совсем не соответствовало моему представлению о лорде. Лорд, как мне казалось, должен быть большим, толстым, опоясанным золотой цепью, с бриллиантовой булавкой в галстуже...

Он познакомил меня со своей женой, назвав ее по имени. Она была мила и непосредственна. Она спросила:

— Какое сейчас население у вас в стране?

— Двенадцать миллионов черных и...

Но она прервала меня:

— Ах, ну почему вы называете себя черными? Ведь у вас такая очаровательная коричневая кожа! Меня дрожь берет каждый раз, когда вы говорите: «черные».

Этот разговор вернул мои мысли к Южной Африке, где я признал и полюбил свое прозвище «черный». Из-за цвета кожи мы с Эриком Хоплендом чуть не попали за решетку. В Йоганнесбурге я подозрительно относился к Эрику, как к белому, в течение долгих месяцев. Впоследствии он стал одним из моих близких друзей.

Перевела с английского
Т. Яблочкова

НОВОСТИ КУЛЬТУРЫ

ТЕГЕРАН. Иранский библиографический журнал «Рахнама-е-кетаб» («Путеводитель по книгам») объявил недавно конкурс на лучший рассказ. Цель конкурса — «вывести тематику современной иранской новеллы из замкнутого круга описаний базаров, кофеен, публичных домов». Предлагается широко использовать исторические и философские, политические и религиозные сюжеты.

ТОКИО. Токийское издательство «Кавадэ сёбо синся» выпускает многотомную серию «Библиотека современной японской литературы». Сюда намечено включить произведения 43 наиболее популярных писателей сегодняшней Японии. Вышел в свет первый том серии. В нем собраны повести и рассказы Мацумото Сейтё. Мацумото известен не только как мастер детективного жанра, но и как автор ряда книг, вскрывающих социальные противоречия японской жизни, разоблачающих милитаризм и американскую экспансию в Японии.

ПХЕНЬЯН. В Японии живет несколько сот тысяч корейцев. Среди них — писатели, поэты, артисты. Союз корейских работников литературы и искусства, проживающих в Японии, возглавляет поэт Хо Нам Ги, начавший свою литературную деятельность в 50-е годы.

Положение корейских литераторов в Японии очень сложное. Они испытывают непосредственное воздействие японской, южнокорейской и американской реакционной литературы. В борьбе с этим влиянием, с буржуазной идеологией развивается прогрессивная корейская литература в Японии. Корейские писатели и поэты знакомят читателя с жизнью своих соотечественников на чужбине, с их борьбой за возвращение на родину.

Недавно в Пхеньяне выпущен сборник произведений Хо Нам Ги «К Родине». Он составлен в основном из публицистических и сатирических стихов.

БЕЙРУТ. В послевоенной художественной литературе Лива-

на видное место занимает писатель Сухейль Идрис — автор нескольких сборников новелл, двух романов — «Латинский квартал» и «Ров», основатель журнала «Аль-Адаб» («Литература») и переводчик.

Последний роман Сухейля Идриса «Наши горящие пальцы» посвящен роли и месту арабского писателя в современной жизни. В романе дана впечатляющая картина идейной борьбы в среде ливанской творческой интеллигенции, показана вся сложность поисков писателем своего места в борьбе за освобождение народа, за национальное возрождение.

ДЕЛИ. Литературная академия Индии издала 33 произведения мировой классической литературы в переводе на индийские языки. Всего к переводу намечено 36 произведений, в том числе и русских авторов.

ЮНЕСКО в специальном решении отметило большую переводческую работу Литературной академии.